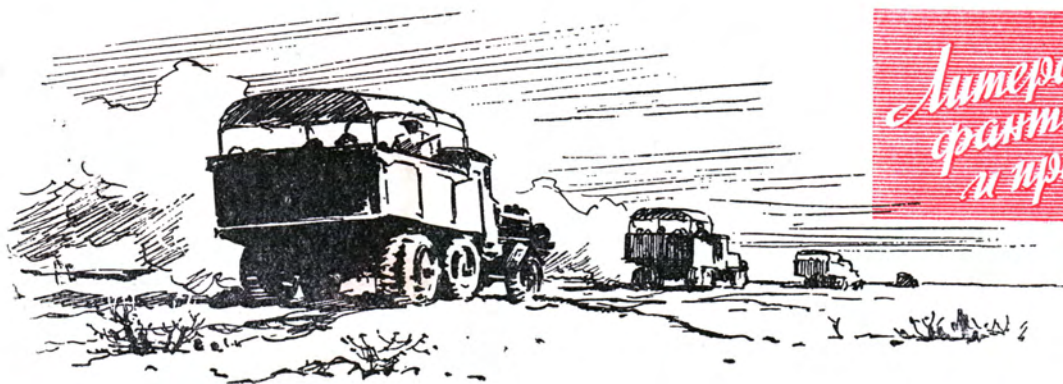

„АДСКОЕ ПЛАМЯ“

рис. К. АРЦЕУЛОВ

*Литература
фантастики
и приключений*

Авское пламя

И. ЕФРЕМОВ

Рис. К. Арцеулова

(РАССКАЗ)

ТЯЖЕЛЫЕ грузовики раскачивались и глухо урчали в знойной пыли. Массивные баллоны с хрустом давили поросли колючек. Горячий ветер задувал под тенты, ссхли и трескались губы людей, скучившихся на дне кузова, под надзором конвойных с автоматами.

Машины бросало из стороны в сторону на кочковатых песках, головы усталых людей вяло мотались. Лязгали и гремели замки бортов, назойливо колотились на ветру распахнутые брезентовые стенки, шестерни передач тянули безнадежно унылую песню.

На сотни миль вокруг простиралась Большая Песчаная Пустыня северозападной Австралии. Машины пробирались к какой-то неведомой цели, скрывавшейся за серой пылевой завесой тусклого горизонта. Озлобленные тяжелой дорогой и жарой водители упрямо гнали, форсируя моторы, не обращая внимания на рытвины и бугры бездорожья и не церемонясь с живым грузом, плотно забитым в раскаленные железные кузова.

Ауробиндо сидел среди товарищей по несчастью, в предпоследней машине, прижатый к горизонтальному ребру борта. Это ребро, точно осатанелый враг, беспрерывно толкало его в наболевшее плечо. Но мысли индуса были далеко. В тысячный раз перебирал он в памяти все обстоятельства, приведшие его к этой участи. В тысячный раз спрашивал он себя, не допустил ли ошибки, согласившись променять тюрьму на родине, в Южной Африке, на работу здесь, в три раза сокращающую срок его заключения.

Около двух месяцев прошло со времени суда, который, несмотря на благоприятные показания многих свидетелей, знавших Ауробиндо с пеленок, несмотря на умелую защиту опытных адвокатов, приговорил его к трем годам тюремного заключения. Ведь он был индусом, и его защитники тоже были индусами...

В тюрьме, в тишине одиночной камеры, он мог без конца предаваться своим мыслям. Индус не думал о мести при воспоминании о подлом предательстве, бросившем его в тюрьму, опозорившем его имя, повергшем в отчаяние его родных. Ауробиндо понял, что жизнь столкнула его с огромной и безжалостной системой, составлявшей основу благополучия другого, обладавшего властью и силой государства. Те подлецы — были только частичками, неотвратимо включенными в ход всей маши-

ны... Он думал бороться с произволом властей оружием интеллигентного человека — противопоставить их уму и знаниям, их воле и философии — свой ум и свою философию. А они в мгновение ока применили к нему грубую силу, обошлись с ним, как с низким преступником. С глубокой печалью Ауробиндо отошел от своих юношеских мечтаний. Он думал идти по жизни бесстрастным, чистым и далеким от всей ее мелочности, тоски и убожества, постепенно совершенствуя себя в духе великих установлений Веданты. Отстраняясь от всего недостойного, не преследуя никаких личных целей, кроме самовоспитания, он думал быть неуязвимым для ударов судьбы. Но вся его жизнь сломилась от первого серьезного столкновения с судьбой, подобно вот этой веточке кустарника, только что вдавленной в песок тяжелым колесом автомобиля.

— Легко быть хорошим среди хороших, много труднее быть хорошим среди плохих, — так говорил новый его друг — зулус Инценга. Ауробиндо встретился с зулусом — тоже студентом, только другого, Блюмфонтейнского университета — в тюрьме, в которую тот попал по столь же подлому обвинению, как и он сам. Инценга сообщил ему, что среди заключенных производится набор на тяжелые работы в австралийской пустыне, где белые не могут работать из-за жары, а цветные рабочие бегут вследствие трудных условий. За год работы там осужденным не за слишком тяжкие преступления засчитываются три года заключения. Зулус советовал Ауробиндо рискнуть и отработать год, зато быстро покинуть тюрьму и вернуться к жизни. Индус согласился и оказался вместе с двумя сотнями подобных ему заключенных — негров, индусов, малайцев — в Австралии. Но сейчас, несмотря на то, что неунывающий Инценга находился за несколько десятков метров от него в другом грузовике, Ауробиндо терзался сомнениями. Тупое существование изнуренного рабочего скота, среди таких же отупевших товарищей, было очень тягостно нервному индусу. Ауробиндо начинал мечтать о покое тюремной камеры, где он мог хотя бы спокойно размышлять, погружаясь в философскую флегму. Но как только он начинал думать о сроке, то сразу ощущал прилив сил, угасавшая в душе надежда возрождалась снова... Пусть он пройдет этим путем Тантр, как делали это великие подвижники Индии!..

Грузовик повернулся, солнце позолотило запыленные складки брезента, остро напомнив индусу складки занавесей в его родном доме. На мгновение Ауробиндо унесся мыслями в тот далекий и недоступный ему мир.

...Ауробиндо шел, гордо неся голову, в белоснежном гюрбане. Прямые улицы Йоганнесбурга были полны тяжелым зноем. Запах разогретого асфальта смешивался с перегаром бензина. Прохожие, редкие в этот час январского солнцепека, укрывались под рядами белых навесов, затенявших витрины магазинов.

В подъезде большого дома прятался пожилой газетчик, хрипло и вяло выкрикивавший последние новости. Ауробиндо, поровнявшись с ним, был выведен из задумчивости.

...Мэлан отстаивает свои позиции в комитете ЮНО с прямой и твердой истинно британца... Мы не позволим вмешиваться в наши внутренние дела... Долой коммунистическую пропаганду и слезливое сочувствие индусам... — хрипел газетчик, обмахиваясь пачкой свежих листов.

Молодой индус поспешил взять газету, стараясь не замечать лукавой гримасы старого пропойцы.

Худшие опасения оправдались. Ни полные истинно человеческой гуманности выступления лидеров Советского Союза, ни заявления делегатов Индии не имели результатов. Реакционеры в правительстве Южно-Африканского союза продолжали неистовствовать, а Совет Безопасности не хотел вмешаться... Смутное ощущение надвигающегося несчастья легло на душу Ауробиндо. Мысли индуса перенеслись к своим соплеменникам. Как по-разному воспринимают они полосу притеснений, здесь, в этой стране, ставшей для многих второй родиной... Ауробиндо и не знал никакой другой родины, да разве в Ориссе, где родился его отец, индусы в лучшем положении? Он вспомнил молодого Ананд-Наду с обогатительной фабрики Де Бирса, посещавшего вечерние курсы, где преподавали студенты-добровольцы. Ауробиндо нередко беседовал с ним, отдавая должную дань силе его ума. Теперь Ананд-Наду в тюрьме и с ним несколько сот индусов — тех, которые думали серьезно бороться с притеснениями... Вот и весь их короткий путь... Разве не более прав он, последователь Веданты, носящий имя величайшего философа Индии Ауробиндо Гоза? Внутренний путь усовершенствования — вот та единственная дорога, которая приведет его к торжеству над угнетателями, над их грубой силой и животными инстинктами. И все же, он не мог не думать о тех, в тюрьме, без чувства невольного уважения... Много других покорно склонилось перед неизбежной судьбой. Одни — с отчаянием, другие, богатые — с надеждой на продажность чиновников и судей... Но его путь — ни тот, ни другой.

Молодой индус незаметно дошел до своего дома. Длинный проход подворотни встретил его приятным полумраком. Домашние отсутствовали, и Ауробиндо быстро прошел в свою комнату, выходящую в глубину двора. За приоткрытой дверью послышались легкие шаги. Голос сестры окликнул его. Девушка быстро вошла, чем-то встревоженная, с гневными словами:

— Ты знаешь, Ауробиндо? Это становится нестерпимо... Отца вызывали в полицию и угрожали, что вышлют отсюда. Им не нравится, что ты студент, скоро уже будешь врачом. Ищут, к чему бы придраться... Будь осторожен! — Девушка подняла опущенную руку брата и прижала к своей щеке. Ауробиндо повернулся к сестре и ласково посмотрел на нее. Черные глаза из-под длинных ресниц ответили ему преданностью. Поднятое к нему бронзовое лицо сестры, как всегда, обрадовало Ауробиндо своей нежной красотой, часто свойственной дочерям индусского народа. Ауробиндо нежно коснулся иссиня-черных волос, прикрытых голубой шелковой кисеей, и стал уверять сестру, что ему ничего не угрожает. Если бы он знал, что через два дня будет увезен в полицейском автомобиле, как тяжкий преступник!..

На северной окраине пустыни Джибсона протянулась унылая гряда холмов красного песчаника. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралось скопище бесчисленных бугров песка, поросших пучками редкой и высокой, неизмеримо колючей травы — спинифекса. Резкий ветер

почти не колебал ее жестко торчащих вверх серых побегов, но зато наполнял воздух тучами пыли, сквозь которую даже свет ослепительного солнца казался красноватым. Этот красноватый свет, красные пятна голого песка между редкими пучками спинифекса, красные скалы на склонах холмов подчеркивали безжизненность пустыни, казалось, затерявшейся на краю света. Высокие заросли малли-скреба — эвкалиптового кустарника тянулись полосами среди песчаных гряд, но лишь усиливали безотрадное впечатление мертвым сизо-зеленым цветом своей жесткой, повернутой ребром к небу ливы.

На востоке горизонт был яснее и там, очень далеко, едва выступала среди песчаного моря в призрачной голубой дымке острая вершина горы Разрушения. Но на западе, в багровой дымке пыльного воздуха виднелись неожиданно четкие контуры каких-то построек, стальных вышек. Ночью зрелище было еще более поразительно. В непроглядной тьме горели, как большие звезды, яркие огни сторожевых вышек, разливалось общее сияние освещенных зданий, мастерских, строительных площадок...

Зулус Инценга, тщательно подбирая все крошки драгоценного табаку, набивал самодельную трубку. Оба товарища лежали рядом, на самом краю деревянного помоста, под низкой крышей без стен — местом ночного отдыха сотни рабочих. Сильные электрические лампочки на высоких столбах бросали резкий свет в глубину мрака пустынной ночи. Где-то направо, у колючей ограды слышались ленивые шаги часового. Почему-то на всей территории строительства было много охраны, хотя бежать из лагеря в окружающую пустыню было то же самое, что попросту повеситься.

Слабое дуновение ветра чуть обвевало обнаженные тела — индус и зулус были в одних набедренных повязках. Черная кожа и бронзовая одинаково отблескивали в свете сторожевых фонарей, падавшем на край помоста. Ауробиндо растирал свои руки — они превратились в мозолистые грубые лапы с исковерканными ногтями. Когда-то, бесконечно давно, он мечтал о точнейших операциях нервной хирургии. Представив себе такую операцию, производимую своими лапами, он горько улыбнулся. Инценга раскурил трубку и, как бы угадав мысли индуса, сказал:

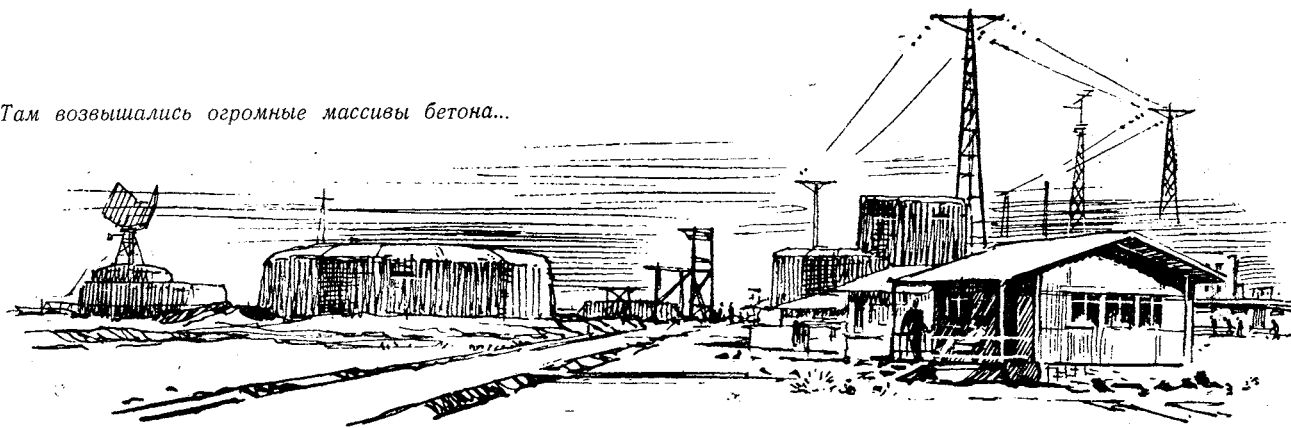
— Забавно подумать, что тут вот, в этой безлюдной пустыне лежат два студента, девять месяцев работавшие землекопами и каменщиками. Должно быть, мир очень богат медиками и гидрогеологами... — зулус невесело рассмеялся. — И как зависит человек от своей жизненной обстановки... Вот мы с тобой в Австралии — такой интересной стране, когда-то называвшейся раем для белого человека. А что мы видели здесь, кроме пустыни? Даже высадить нас сумели в самом унылом порту... Где-то растут исполинские леса пятисотфутовых эвкалиптов, расстилаются цветущие просторы голубых трав, плавают черные лебеди... А как интересна Австралия для людей нашей науки — гидрогеологии. Огромные бассейны подземных напорных вод, очень древних по своему происхождению, — таковы и наши артезианы здесь, в этом гиблом месте. Большинство этих вод горячие — Австралийский материк таинственным образом более горяч в своих глубинах, чем все другие материки мира... Да, обо всем этом нужно сейчас забыть, — оборвал зулус, — иначе не вытерпишь и того, что осталось!

Они замолчали, припоминая все испытанное ими за двести семьдесят дней ступляющего рабского труда. Они строили дорогу через пустыню, вырубали ужасные колючие кустарники акаций — мульга-скреб, протянувшиеся бесконечными милями под безжалостным солнцем. Дробили щебень, ломали камни, вертели, дрожа и задыхаясь от усталости, у ненасытной пасти машины, изготовлявшей бетон. И копали, копали и копали песок и затвердевшую красную глину, трещиноватую скальную почву. Тянули провода, ставили столбы, возводили стены и крыши...

Ауробиндо невольно повернул голову налево, туда, где слышался ровный монотонный гул электростанции и разливалось в темноте сияние электрических ламп.

Там возвышались огромные массивы бетона, покрытые толстыми стальными плитами, — странные и чудовищные постройки неизвестного назначения. Поодаль вытянулись разборные белые дома — жилища только что приехав-

Там возвышались огромные массивы бетона...

ших сюда серьезных людей в безукоризненных белых костюмах, которым, казалось бы, вовсе не место в этой глухой и безлюдной пустыне. Окруженные рвом, стояли низкие здания без окон, как бы наглухо замкнутые от окружающего мира. Они намекали на недобрую и таинственную работу, которая должна была происходить внутри, работу, прятанную от света дня и человеческих глаз.

Инценга и Ауробиндо давно уже пытались разгадать назначение этих таинственных построек, так поспешно возведенных в удаленном от всего мира и неудобном для жизни месте. Они понимали, что только соображения величайшей тайны и, в то же время, опасности, могли заставить государство, взвешивающее каждый грош при экономике, хромающей на обе ноги после войны, проводить такую работу в сердце пустыни.

Зулус высказывал предположение, что деньги, возможно, были даны другой страной, не обедневшей, а разбогатевшей от сражений войны. Это предположение, к сожалению, опровергалось — Ауробиндо слышал обрывки разговоров недавних приехавших знакомцев, — их речь с характерным американским произношением.

Если бы оба возбужденных студента принимали участие во внутренней отделке загадочных зданий, площадок и тоннелей, то они смогли бы лучше понять их назначение. Однако, как только здания были внешне закончены, цветные рабочие потеряли всякое право доступа в расположение городка. Теперь дела здесь им больше не было. Позавчера большинство рабочих отправилось на запад, к единственной морской бухте у края бесплодных песков. Там, как узнали от партии прибывших оттуда арестантов, выстроили высокие мачты радиовышек.

Осужденным студентам оставалось около трех месяцев каторжного труда. Самое страшное было уже позади, и они с честью вышли из испытания. Когда-нибудь, много позднее, они смогут рассказать, чего стоило им быть безупречными рабами, терпеливыми и молча сносящими любой произвол начальствующих над ними людей, чтобы неосторожной вспышкой не свести на нет все усилия, сделанные для скорейшего освобождения.

Ауробиндо и Инценга остались людьми, но этого нельзя было сказать про всех заключенных. Лишь небольшое количество удержалось на моральной и духовной высоте. Это были по большей части скоро освобождавшиеся. Другие, срок терпения которых был гораздо большим, надламывались психически или теряли голову от отчаяния, пытались бессильно бунтовать. Проступки их неизбежно удлиняли сроки их заключения, и не было никакого выхода из мрачной бездны.

Ведущий инженер строительства приказал отобрать соток лучших рабочих в какую-то отдаленную поездку на море. Ауробиндо и Инценга попали в их число, избежали переброски на железнодорожное строительство и получили три дня неожиданного отдыха. Завтра они должны были покинуть опустевший лагерь и направиться на грузовиках на «Восьмидесятимильное побережье», где предстояла посадка на судно.

Инценга давно докурил свою трубку. Больше табаку не было, и зулус меланхолично сосал пустой чубук.

Два дня товарищи почти непрерывно спали и теперь освободившийся от тумана усталости мозг требовал деятельности. Зулус потянулся и сел, поджав под себя ноги.

— Я подслушал кое-что из разговора двух приехавших инженеров. Третьего дня меня послали вымыть их машину... — задумчиво начал Инценга.

— Неужели они разговаривали при тебе? — усомнился Ауробиндо.

— Да, это было так. Инженеры — американцы — не могли представить себе, что грязный и невежественный негр, сможет понять что-либо из их разговора. Они не виноваты, ха-ха-ха, — рассмеялся зулус, — откуда могли они знать, что этот негр едва не получил университетского диплома и только заботами их просвещенных сородичей вернулся к прежнему дикому состоянию. Англичане безусловно правы...

— В чем? — нетерпеливо спросил Ауробиндо.

— С дикарями им спокойнее. Легче чувствовать себя белыми богами... Непогрешимыми и непонятными...

— Но довольно шутить, что же именно ты услышал от этих богов?

— Один сказал: вот, мы и кончили здесь раньше срока. А другой ответил: осталась только мишень на Русалочьих рифах...

— Мишень? — воскликнул Ауробиндо.

— Тише. Да, именно мишень, я не ослышался. Но что это за Русалочьи рифы?

— Не знаю, какие-нибудь мелкие островки в океане...

Зулус снова схватился за пустую трубку, ожесточенно грызя мундштук. Энергичное лицо его напряглось, твердые челюсти каменно сжались.

— Тебе действительно удалось услышать весьма важное, — сказал Ауробиндо, после нескольких минут раздумья. — Так вот куда нам предстоит поездка...

Инценга не отвечал, возбужденно раздувая ноздри. Он старался восстановить общую картину всего строительства по тем кусочкам его, в которых сам принимал участие, по отрывочным сообщениям других заключенных, попадавших в его отряд из соседних отделений. Огромные выемки в почве, обделанные в сталь и бетон, продолжавшиеся двумя толстыми стенами, были направлены на северо-запад. Дорога к побережью, пересекавшая пустыню, направлялась на северо-запад... Далеко в пустыню шли двумя параллельными рядами стальные мачты с какими-то антеннами наверху. Они шли на северо-запад и, вероятно, доходили до побережья. Да, все направлялось к северо-западу, по направлению Русалочьих островов, по направлению мишени. Зулус подскочил. Ему показалось, что он разгадал тайну этих странных работ. Поспешно, словно опасаясь, что пойманная догадка ускользнет, Инценга зашептал в ухо индуса свои соображения. Ауробиндо крепко сжал руку товарища.

— Ты прав, мой дорогой. Здесь должны стрелять чем-то в острова. Чем же иным, как не ракетами. Но, если отсюда до побережья почти тысяча миль, сколько-то еще до островов, получается необычайный по длине полigon, больше тысячи миль. О таких ракетах я еще не слышал, и это наверное — атомные ракеты. Хорошую

Я подслушал кое-что из разговора двух приехавших инженеров...

вещь узнали мы — вот зачем тут, в скрытом от всего мира месте идет такое дорогое строительство...

— Тсс... Кто-то идет, — прошептал зулус, заслышав приближающиеся шаги.

Оба бывших студента поспешно растянулись на помосте. Темная фигура медленно прошла в двадцати шагах от края помоста. Это был один из часовых, которые днем и ночью стерегли окрестности строительства. Ауробиндо и Инценга долго молчали. Индус заговорил первым:

— Помнишь годы войны, — зашептал Ауробиндо, — у всех у нас было ожидание больших и хороших перемен...

Инценга усмехнулся и согласно кивнул.

— Сначала Атлантическая хартия, — продолжал индус, — прекрасные устремления Рузвельта... Затем показавшаяся чудом великая боевая мощь Советского Союза, растоптавшая чудовищную силу расистской коалиции. Все шло к тому, что Советский Союз с Америкой поведут мир к свободе, пресекут произвол и угнетение в колониях, больше того, уничтожат самые колонии... И что же — вот мы тут свидетелями жестокой насмешки судьбы... Америка стала оплотом подавления колоний и маленьких стран, до конца порвав с мудрой политикой Рузвельта. Советский Союз, оставшийся нашей единственной надеждой, слишком далеко от нас, жителей южных стран. А здесь затеяно серьезное дело. Создают новое оружие против демократии и против свободы народов, как в прежней Германии. И мы принимаем в этом участие, — Ауробиндо тоскливо вздохнул. Инценга слушал печальную речь индуса и, странным образом, в нем росла озорная бодрость, словно раскрытие этой, вредоносной для человечества, затеи придавало особую значимость его дальнейшему существованию. Теперь и близящееся освобождение имело совсем другой, больший смысл.

— О, мы еще многое можем узнать, там, на островах, — шепнул он индусу, оставляя без ответа его думы, слишком звучные его собственным. Ауробиндо понял все, что стояло за этой короткой фразой. Глаза истинной мудрости человечества должны проникнуть в тайные дела, творимые в этих глухих стенах. Но привычная осторожность индуса и тут не изменила ему.

— Нам нужно быть очень осторожными, — едва слышно сказал он зулусу, — ведь если нас заподозрят хотя бы в небольшом интересе к тому, что мы делаем, — все погибло, погибли и мы...

— Конечно, конечно, — подхватил Инценга, — и так кто-то сделал большую ошибку, направив сюда нас,

образованных людей. Должно быть уж слишком велико презрение к нам. Мы для их чиновников всегда только глупые невежественные цветные.

— И кто-то повторяет эту ошибку, направляя нас туда, на мишень. Впрочем, мы, должно быть, заслужили это старанием и тупостью, которые так усердно соблюдали. Но повторную ошибку легче заметить, — заключил индус.

— Ничего, осталось уже мало времени, — беспечно ответил Инценга.

* * *

ЗА красными песчаными дюнами засветилась синева моря. Ауробиндо встрепенулся. После долгого пребывания в пустыне особенно отраден был запах морского простора, влажный и свежий, обещающий что-то новое и хорошее. И в самом деле, возвращение к морю

было для Ауробиндо обещанием скорого освобождения. Так не похоже было оно на его отъезд из Кептауна в ветреную погоду, в сыром и душном носовом трюме. Тогда море ничего не сулило, кроме тяжких испытаний в далекой стране, кроме позорного и униженного существования.

Все те же красные песчаные дюны шли до самой воды, уходили под нее, и прибрежная вода моря становилась мутной, приобретала суровый серый цвет. Лишь вдаль от берега растянулись в своем великолепии сверкающие темноголубые воды Индийского океана. Ветер шумел среди редких казуарин, древних деревьев с безлистными нитевидными побегами, похожих издали на низкие сосны.

Грузовики остановились. Люди выбрались, отряхивая густую пыль и разминая кости. Сержант, командовавший рабочим отрядом, заговорил о чем-то с офицером, подъехавшим на белой военной машине. Затем партия заключенных рабочих быстро зашагала вниз по дороге к пристани. Едва только привезенные арестанты разместились на грузе, почти целиком заполнявшем все помещения небольшого парохода, как судно сразу же отвалило. Повидимому, с работами на островах очень торопились...

Океан встретил невольных путешественников тяжелой зыбью. Много рабочих, в том числе и Ауробиндо, заболели от качки. Индус валялся, безмолвный и неподвижный, на брезенте, брошенном поверх мешков с цементом, и почти не разговаривал с Инценгой за весь полуторасуточный переезд. Зулус был бодр и здоров. Целыми часами он сидел, поджав под себя ноги, подле Ауробиндо, тихонько напевая дико звучащие зулусские военные песни. По временам Инценга погружался в глубокую задумчивость или вычерчивал ногтем на брезенте непонятные знаки. К концу второго дня по суете на палубе арестанты угадали, что подходят к цели. Машина остановилась, и якорная цепь загрела уже в сумерках, когда тусклые лампочки трюма стали бросать заметный свет вокруг потемневшего отверстия открытого люка. Рабочий отряд вывели на палубу только утром. Шумели вокруг корабля и бежали к берегу посеребрившие волны. Рассвет над рифом вставал во всем своем тропическом могуществе. Первые лучи пробили влажную мутноватую мглу и внезапно появившееся солнце залило все ярким рззовым светом. Легкий туман засеребрился над рифом и тот засверкал перламутровыми переливами, точно вытянувшаяся вдаль створка чудовищной раковины. Русалочий риф — да, в этот рассветный час казалось вполне возможным, что в чистой тишине острова, в дымке жемчужного тумана возникнут сказочные зелено-

глазе девушки моря... Слева далеко в открытое море уходил широкий мыс — низкая скалистая площадка, выровненная приливами. Белая полоска прибоя виднелась в отдалении двух миль с западной стороны мыса. В глубине небольшой бухты, прямо перед носом судна вздымалась небольшая гора. Ее обнаженные скалистые склоны спадали в мангровые заросли, темневшие у подошвы. Направо розовела широкая лента прибрежных песков. Арестанты принялись за разгрузку судна. По пояс в воде, шатаясь под ударами волн на ускользавшем из-под ног песке, люди до темноты таскали тяжелые ящики и мешки, железные полосы и большие катушки проводов из баркасов на прибрежный уступ. На следующее утро, еще в предрассветном сумраке работа возобновилась снова. Так продолжалось три дня, пока, наконец, последние ящики и бочки с бензином не легли на берегу, перед горой нагроможденных правильными штабелями грузов. За все это время ни одно человеческое существо не приблизилось к месту выгрузки — остров был совершенно безлюден. Первобытная тишина нарушалась только грохотом лебедок да непрерывными воплями ворочавших тяжести людей, которым вторили резкие крики морских птиц и плещущие волны моря.

После невероятно тяжелой работы в раскаленной пустыне арестанты вздохнули здесь свободнее. Свободой казалось и то, что здесь не было неотступно сопровождавших каждую рабочую группу часовых с автоматами, гранатами и пистолетами. Инценга и Ауробиндо скоро поняли причину такого «доверия» к арестантам.

Обоим друзьям было поручено установить прочный железный столб на самом краю рифа, там, где выровненная волнами плоскость кораллового известняка покрывалась почти на метр водой во время прилива. Партия рабочих притащила боченок цемента, столб, железные костыли и молот и, оставив зулуса с Ауробиндо, направилась к другому уступу рифа. Друзья упорно долбили камень, поочередно меняясь у молота. Столб надо было поставить и зацементировать до прилива, и арестанты спешили изо всех сил.

Скважина подходит к концу. Решив освежиться купаньем, Инценга и Ауробиндо пошли к краю рифа, всего в двухстах футах от столба. Край рифа круто обрывался здесь в прозрачную воду до глубины около 20 футов. Даже сквозь колыхание волн ясно видне-

лось серебрищающееся песчаное дно. Еще не достигнув обрыва, друзья остановились в испуге. На них смотрело много глаз, без всякого выражения, но с пугающей настойчивостью. Косые хвосты, острые спинные плавники, морды конусом, угловатые щелястые рты, наполненные ужасными зубами, — это были акулы.

Ауробиндо знал из географии о поразительном обилии акул в водах Австралии, но реальная картина этого обилия наполнила его ужасом. Гигантские десятиметровые свинцово-серые тела хищных рыб сновали взад и вперед.

— Что это за мерзость, во имя всех чертей! — воскликнул оторопевший зулус.

— Так называемые белые акулы, или акулы-людоеды, самая страшная их порода, — melancholически отозвался индус, — вот она, наша стража. Попробуй бежать отсюда на плоту или в шлюпке — перевернут и разорвut в клочья. Плавать — нечего думать... Понятно, отчего наши начальники купались только на мелком песочке у самого берега!..

Две страшных твари высоко подняли из воды огромные морды и пристально следили за людьми, балансируя хвостами. Зулус внезапно преисполнился ярости. Он отломил, пнув ногой, крупный кусок коралла и с силой бросил его в голову акулы. Камень ударил тварь около глаза, но акула не обратила на него никакого внимания, зато другая, плывшая под водой, в мгновение ока перевернулась и подхватила падающий на дно бесполезный снаряд Инценги.

Зулус злобно плюнул и поплелся назад.

Товарищи работали до самого прилива и только, когда первые всплески его зашумели на рифе, наконец установили столб по отвесу. Оставалось лишь зацементировать. Ауробиндо поспешно откачивал воду из ямки, в то время как зулус размешивал портуландский цемент. Внезапный крик вырвался из груди Инценги. Индус поднял голову и увидел незабываемое. Прилив медленно поднимался и на прибрежной плоскости рифа было уже около четверти метра воды, лишь небольшая выпуклость, где работали друзья, оставалась незатопленным островком. Десятиметровая акула подплыла к обрыву рифа, с хода выскочила на его край, тяжело перевалилась боком и затем поползла, извиваясь всем телом, иногда перекатываясь с боку на бок, по направлению к столбу. Волосы стали дыбом на голове индуса, он схватил това-

— Бери бур, — крикнул он индусу.

рица за руку и рванулся к берегу. Но было уже поздно. Между берегом и краем рифа поверхность известняка была слегка углублена, всего на каких-нибудь полметра. Для акулы этого оказалось достаточно. Гнусная рыба скатилась в прибрежное углубление и стала двигаться быстрее. Секунда — и она оказалась между берегом и двумя товарищами. Друзья остановились...

Инценга бросился назад к столбу, схватил тяжелый молот.

— Бери бур, — крикнул он индусу, — скорее, скорее, вода все прибывает, нельзя, чтобы тварь плавала свободно!

Ауробиндо оглянулся на море. Там, за набегающими пенящимися волнами торчали вверх еще шесть конических рыл. Отчаяние придало индусу силы. Плечом к плечу с товарищем, он поспешил вперед и вошел по пояс в замутившую воду. Акула, подползая по дну, подобралась близко. Под тяжестью ее тела, одетого прочной шершавой кожей, скрипели и хрустели отростки кораллов. В раскрытую треугольную пасть заплескивали волны. Жаберные щели пульсировали позади головы, хвост бил по воде и акула извивалась в усилиях схватить обреченную добычу. Инценга выжидал, рассчитывая расстояние...

— Ауробиндо, пасть! — крикнул зулус, и индус, инстинктивно поняв, что надо делать, воткнул двухметровый стальной бур прямо в глотку страшной рыбы. Акула метнулась, бур вырвался из рук индуса, но в этот момент зулус, подскочивший сбоку, изо всех сил ударил тварь по голове. Двадцатикилограммовый молот на длинной ручке глубоко вмял твердую шкуру и хрящевой череп. Оглушенная рыба забилась, перекатываясь со спины на брюхо, но очень быстро пришла в себя и снова устремилась на людей. Однако товарищи уже миновали опасную зону и быстро выбрались на сушу, где проклинали мерзкую рыбу, пока не подбежали другие рабочие с солдатами. Треск автоматов раздавался в течение нескольких минут, но это мало действовало на невероятно живучую рыбу. Лишь когда над морем пронесли бухающие разрывы гранат, с акулой было покончено.

* * *

ТЕПЕРЬ, черти, можете отдыхать, — весело обратился к рабочим помощник инженера. — Вы славно поработали эти два месяца и получите хорошие отзывы... Завтра придет наш пароход, и мы поедем домой, — помощник инженера произнес последнее слово с особенным удовольствием. Удачно выполненная работа сулила премию и, может быть, повышение по службе. Помощник инженера удовлетворенно окинул взглядом приготовленное к погрузке, теперь уже ненужное здесь оборудование и зашагал к домику отдать рапорт начальствующему инженеру. Рабочие проводили его взглядами, одни тоже веселыми, другие — хмурыми, и разбрелись по берегу в ожидании обеда, большая часть поспешила растянуться в тени нескольких пальм, стоявших у полюсы влажного песка. Этим людям возвращение сулило только новую подневольную работу, наверное, еще худшую, чем проделанная здесь. В конце концов, здесь было не так уж плохо по сравнению с пустыней. На кормежку начальство, очень торопившееся с выполнением задания, не скупилось: остатки военных запасов были еще велики.

Но для двадцати трех человек возвращение с острова должно было совпасть с освобождением. Конец заключения и впереди свободный путь к далекому дому, к миру прежних забот и жизненных планов, прежде казавшемуся канувшим в небытие. Инценга и Ауробиндо были в числе счастливых.

Подтрунивая друг над другом, они присоединились к группе, спешившей к голубоватому дымку кухни. Молодость пробивалась в их унылом существовании, подобная ярким зеленым росткам, упрямо завоевывавшим солнечную радость в трещинах серых скал. А оба студента были очень молоды.

Помощник инженера вошел в затененный тентами домик, пропитанный запахом душистого табака. Инженер поднял на него вопросительный взгляд, задержав руку с вечным пером на раскрытой записной книжке.

— Все готово, сэр. Можно радировать, что завтра мы покидаем остров. Если судно не запоздает, то к полудню можем отойти.

— Отлично, Фредди. Я пробуду здесь до конца. Мой катер на подходе...

— Вы возьмете меня с собой, сэр? — взволнованно спросил помощник.

Инженер некоторое время размышлял, крутя автоматическую ручку своими толстыми пальцами.

— Хорошо, — наконец, сказал он, и лицо помощника осветилось, — вы заслужили это. Завтра, отправив пароход, мы переедем с вами на риф Клерка. Наблюдательная станция — там. Здесь останутся только приборы, автоматические фотоаппараты и радар.

— А в свинцовом блиндаже разве никого не будет, сэр, — осторожно спросил помощник.

— Конечно, нет, — усмехнулся инженер, — в момент выстрела... он — для последующих наблюдений за излучением... — Помощник поднял брови в знак понимания и, помолчав, сказал:

— Наши цветные хорошо работали, сэр. Они заслужили отличные отзывы... Особенно удачными оказались один негр и один индус, понятливые молодцы. Я их приспособил даже к топографической работе...

Инженер внезапно встрепенулся, и помощник был встревожен озабоченностью своего патрона.

— Вы имеете в виду Ауробиндо и Инценгу, Фредди? Эти двое, конечно... — инженер бросил ручку и потянулся за трубкой, — скажите, вы не замечали за ними явного интереса к производимым нами работам? Отвечайте обдумав, — это очень важно!

— Нет, сэр... то есть они... — замаялся неподготовленный к вопросу помощник, — они только показались мне способнее всех других. Но за ними ничего не замечено, и агент наблюдения ничего не доносил... Да и что могут они понять в нашей работе, эти цветные, мозги не доросли... — успокоился помощник. Инженер порывался на столе, извлек какую-то бумажку и задержал ее в руке.

— Для того мы и набрали цветную рабочую силу, чтобы обеспечить полную секретность, — подтвердил инженер. — Но иногда бывают ошибки. Сюда особенно опасно допустить каких-нибудь, таких... понятливых, как эти двое... И я послал запрос в управление лагеря. Вот ответ, — инженер взмахнул бумажкой, — Ауробиндо и Инценга — студенты из южноафриканских университетов.

— Студенты! — ужаснулся помощник. — Но кто же допустил?..

— Кто бы там ни допустил, ошибка налицо. Вот вам ваши понятливые молодцы, Фредди. Вы сами еще очень молоды...

Помощник растерянно молчал.

— Еще полбеды, что оба — не техники — медик и гидрогеолог, — проворчал инженер, которому стало жаль своего подчиненного. — Следовательно, ничего не смыслят в наших делах. Но мы не можем рисковать ничем. Немедленно поведите агента наблюдения и установите самый тщательный надзор за этими двумя. Хотя бы одно слово, свидетельствующее о понимании нашего дела, — и их придется изолировать.

— Слушаю, сэр, — помощник заторопился к выходу.

* * *

ПАРОХОД ожидался после полудня, но уже на рассвете все было готово, даже палаточный городок свернут и увязан в тюки.

Арестанты лениво лежали на песке, когда помощник инженера вдруг позвал Инценгу и Ауробиндо. Техник спохватился, что забыл поставить сигнальный фонарь на северо-западной стороне острова — временный маяк для судов наблюдения. Оба товарища были несколько встревожены тем пристальным вниманием, которое проявлял к ним в последний день молодой помощник, и поэтому вздохнули с облегчением, узнав о задаче. Навьюченные фонарем, батареями, тросом и блоками, они поспешили на северную сторону рифа. Товарищи скоро достигли мангровой заросли и тут поняли, что им досталось труднейшее дело. Бесчисленные корни, то густо переплетенные, то стоявшие частоколом, уходили глубоко в вою-

чий черный ил. На дне, под грязью, множество нагроможденных, подгнивших стволов и корней образовывали опасные капканы. Товарищи углублялись все дальше в непролазную чашу, где померк дневной свет, и в темноте передвижение стало еще труднее. Балансируя с тяжелым грузом на скользких корнях, срываясь в вязкую топь, Ауробиндо и Инценга подвигались вперед очень медленно. В недрах зарослей пришлось зажечь электрический фонарь будущего маяка, чтобы найти проход. Несколько чих-то глаз загорелись красными огоньками из-под темного свода корней, и товарищи на миг отступили от неожиданности.

— Это крокодилы, — у них глаза горят красным, — пробормотал зулус, вытягиваясь во весь свой шестифутовый рост и высоко поднимая фонарь. Теперь падение вниз с корней угрожало смертью, но, к счастью, мангровая заросль, достигшая наибольшей густоты в этом месте, скоро окончилась, и товарищи добрались до намеченного мыска. Поспешно обтесав ствол самого высокого из деревьев, друзья прикрепили к нему толстую дюралевую трубку с гнездом для фонаря, установили фотоэлектрический включатель и соединили контакты батарей. Все было кончено и можно было идти назад, скорее, как можно скорее, — солнце перевалило за полдень. Смутная тревога владела обоими товарищами — ведь пароход должен был уже подойти к острову. Их, конечно, подождают, но мало ли что может случиться!

* * *

ИНЖЕНЕР быстро шел по опустевшему берегу.

— Как у вас, Фредди?

— Готово, сэр. Только нет двух рабочих. Знаете, тех, про которых мы вчера говорили. Я отправил их на ту сторону острова для установки временного маяка.

Инженер выставил растопыренные пальцы, как он делал всегда, когда хотел остановить своего помощника, немного подумал и спросил:

— Вы установили сигнал возвращения для отправившихся?

— Да, сэр, четыре гудка. Но они еще не могли окончить работу...

— Так дайте скорее гудки. Удобный случай... — инженер криво усмехнулся, пряча глаза. — И заодно, поскольку поедете на судно, — вот телеграмма, подписанная мной, о готовности острова!

— Но, сэр... — помощник инженера замаялся. — Это станет известно их... их товарищам.

— Оставьте, Фредди. Неужели вы хотите рискнуть своей репутацией, а может быть, и попасть на их место... ради двух цветных преступников. Ошибка не наша, но разве мы тоже не окажемся в ответе, если... ну что там говорить! Сама судьба идет нам навстречу и неумно отказываться. А другим скажите... скажите, что их заберет мой катер. Мы уедем после того, как скроется пароход. Не медлите, Фредди!

Помощник послушно повернулся и побежал к ожидавшей на берегу шлюпке. Гудок всхлинул, прервался и сейчас же громко заревел. Четыре раза рев уносился вдаль по пустынному берегу, отражаясь эхом от мрачных скал... Ин-

ценга и Ауробиндо услышали гудки, едва успев установить фонарь. С головы до ног, покрытые грязью, измученные, они пробивались назад сквозь громадное болото. Пот струился по их лицам, в глазах мутилось, ноги были изранены. Ауробиндо провалился в скрытую яму и ушел по плечи в черный вонючий ил. Зулус, напрягая последние силы, вытащил товарища и опустился на груды осклизлых корней, нагроможденных вдоль глубокой промоины. Товарищи поняли четыре гудка, как сигнал скорого отхода, и все же еще целую вечность боролись они за каждый фут. Топь кончилась внезапно. Едва отдышавшись, Ауробиндо и Инценга прошли по воде, потом побежали, обогнули поворот берега и замерли. Пароход виднелся маленькой черной лодочкой в нескольких милях от острова. Светлый дымок вился над его трубой, словно судно, издеваясь над оставшимися, махало им платком. Оглушенные случившимся, друзья недоуменно оглядывались и не сразу услышали стук мотора. Большой морской катер нырнул и сверкал зеркальными стеклами в одной миле от берега, направляясь на юг, перпендикулярно курсу парохода. Инценга и Ауробиндо заскакали по берегу, размахивали руками и неистово вопили. За кормой катера поднялся высокий белый бурун. Маленькое судно понеслось тридцатиузловым ходом, не меняя курса. Еще немного, и катер исчез в сияющей синеве, там, где у самого горизонта едва замечался маленький темный купол — соседний остров Клерка.

* * *

В АВСТРАЛИЙСКОЙ пустыне был предрассветный час. Мрак и тишина еще простирались над разрушенной солнцем мертвой землей. Но в глухом каземате, за шестиметровой толщей бетона, свинца и стали, разливался яркий голубоватый свет. Четырнадцать человек нетерпеливо толкались в просторном помещении. Все с волнением ждали. Стены, заделанные блестящими черными панелями, были усеяны круглыми стеклами бесчисленных приборов. В центре одной стены против входа матово светилось небольшое квадратное окошечко, затемненное выступающей рамой. Под ним выдвигался широкий уступ. На его наклонной поверхности четырьмя рядами располагались белые шляпки регуляторов и реостатов, кнопки и стрелки. Все сооружение напоминало гигантский радиоприемник. В широком кресле перед центральным окошечком сидел седой человек, нервно приглаживавший волосы. Над ним склонился массивный американец в золотых очках — главный инженер строительства. Стоящие сзади люди представляли виднейших ученых, военных и инженеров двух англо-американских стран. Среди военных и инженеров явно преобладали американцы, державшиеся очень уверенно, с видом хозяев. Англичане стояли несколько особняком и поглядывали по сторонам с оттенком робости, как будто им не по душе было то дело, ради которого они собрались здесь, в ночной пустыне. На круглом столике рядом с креслом, в ящичке красного дерева под толстым

— Это крокодилы, — пробормотал зулус.

стеклом бежала по кругу длинная тонкая стрелка хромометра. Главный инженер не отрывал от нее глаз.

— Заряжено три боевых гнезда, — полушопотом объяснял группе из четырех военных ведущих конструктор. — Честь пуска первой ракеты принадлежит... — конструктор еще более понизил голос и назвал знаменитого физика, лауреата Нобелевской премии и члена Королевского Общества. — Вторую ракету выпустит главный инженер, третью — я.

Главный инженер выпрямился.

— Осталось пятьдесят секунд, сэры. Сэр, включите экран и доску радиолокаторов...

Свет потух, ярче выделилось квадратное окошечко и черное длинное стекло под ним. Стрелки бесчисленных указателей настроенно трепетали, как будто охваченные нервной дрожью.

— Ноль секунд! — прогремел голос главного инженера. Тонкая рука, бледно выделявшаяся в отблеске освещенных циферблатов, нажала круглую кнопку.

Стрелки приборов прыгнули в разные стороны. Здание содрогнулось, глухой низкий рокот проник через толщу стен. Присутствовавшие замерли. Здание продолжало содрогаться, но тяжкий гул постепенно замирал, удаляясь. Физик, нажавший пусковую кнопку, невольно съезжился, представив себе, что творится снаружи, на подъемной площадке ужасной машины. Раздался тихий звонок. На черном стекле осветился маленький квадрат с цифрой 1. Шумный облегченный вздох вырвался из груди главного инженера. Еще звонок, вспыхнул второй квадратик, за ним третий, четвертый. Это сигнализировали локаторы, установленные на столбах, двумя рядами протянутыми до побережья. Они точно фиксировали момент прохождения ракеты над ними, когда ее металлический корпус пробивал незримую преграду радиоволн, протянутую на громадной высоте, отвесной плоскостью в небо.

— Она летит, сэры! Летит точно по заданному направлению, — гордо повернулся к присутствующим главный инженер. Ведущий конструктор в это время возился с вычислительной машиной.

— Сигналы локаторов дают увеличение скорости, — объявил он. — Еще через шесть минут можно будет сказать, какова максимальная. Тогда же установим момент, когда ракета должна достигнуть острова.

— Опыт исключительно удачен, — отозвался главный инженер, — серия предварительных испытаний с меньшими снарядами обеспечила успех!

Взволнованные военные, ученые и конструкторы придвинулись к столу. Все глаза были устремлены на ленту черного стекла, освещенная часть которой быстро удлинялась. Прошло восемь минут. На самом конце ленты зажглась цифра 92, звонок прозвенел в последний раз, и прибор прекратил работу.

— Ракета над океаном, — объявил конструктор, — через пять минут следите за локатором самой ракеты.

На экране возникло мутное дрожащее пятно. Оно слегка двигалось в разные стороны, следуя колебаниям

несущейся в бездонной глубине неба ракеты. Немного спустя пятно потемнело, края его обрисовались резче — на экране возник темный плоский холмик, увенчанный пирамидальным возвышением. Если бы в комнате мог присутствовать кто-либо из работающих на далеком острове, то он без труда узнал бы очертания горы на рифе Русалки.

* * *

МРАЧНЫЕ ребра горы заиграли красноватыми отблесками. Инценга и Ауробиндо проснулись. Жестокая тревога не давала им покоя. В надежде, что за ними вернется какое-нибудь судно, товарищи спали на берегу бухты, единственной, куда мог подойти корабль. Но восходящее солнце освещало все такое же пустынное море без малейшего признака какого-либо судна.

— Нас бросили. И бросили с целью, — гневно заявил зулус. — Нужно спасаться самим, пока не поздно, — ведь мы — на мишени и сами тоже мишень. Должно быть, они заметили что-то... Эх, как глупо мы согласились идти устанавливать маяк.

— Если бы не согласились, тогда с нами расправились бы другим способом, — спокойно ответил Ауробиндо. — Но я все-таки думаю, что за нами придут. Ведь тут установлено много приборов. Кто-нибудь должен наблюдать за ними...

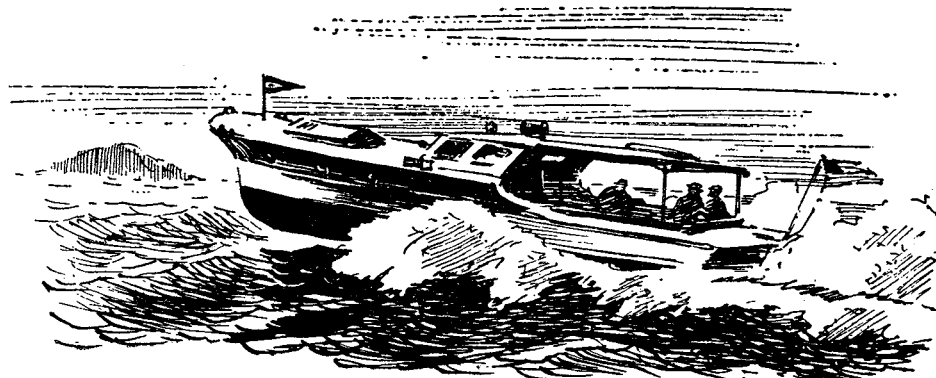
— Наблюдать после обстрела, — мрачно возразил Инценга. — И боюсь — они скоро соберутся стрелять сюда. Вспомни, как торопились наши начальники. Это — плохой знак для нас, это значит, что там все уже готово. Нет, нужно бежать отсюда немедленно. Пойдем опять на северную сторону острова — стрелять ведь будут оттуда — зулус показал на юго-восток. Кажется, с той стороны у них был сторожевой пункт с лодками. А я что-то не видел, чтоб их грузили на пароход. Возможно, они забыли или нарочно оставили их... Еды наберем в поселке из разных отбросов и остатков в домике инженера — вчера мы там нашли достаточно. И переправимся на другой остров.

Ауробиндо колебался. Он очень хорошо помнил приключение с акулой. В глубине души индус надеялся на скорый приход катера, надеялся, что их оставили по ошибке. Слишком жестоко было бы намеренно оставить их здесь на смерть, их — невинно осужденных и отбывших свой срок, работавших старательно и безупречно.

— Идти на ту сторону нужно, но кому-нибудь одному. И один все узнает. А другой останется здесь на случай прихода катера.

Инценга согласился. Предложение индуса было разумно. Идти на север вызвался зулус — он был великолепным ходоком и бегуном, и путешествие должно было занять у него гораздо меньше времени, чем у индуса. Инценга немедленно пустился в путь, забыв о еде. Он вскарабкался на крутой склон, перервалил через гору и скрылся из глаз. Ауробиндо остался в одиночестве перед пустым морем, на берегу бухты. Солнце, поднявшееся уже высоко, стало жарким. Ауробиндо огляделся и заметил небольшую лошину, заросшую лесом. Лощина звалась в юго-западный склон горы и уходила вглубь ее, за ребро западного отрога. Там не производилось никаких работ, и индус направился в лошину, надеясь найти тень и собрать каких-нибудь съедобных плодов. Устье лощины оказалось заваленным громадными камнями, и Ауробиндо с трудом перебрался через них. Позади глыб оказалось что-то вроде пещеры, на углубленном дне которой среди замшелых камней стояло небольшое озерцо. Впереди поднимались пологие скаты, поросшие густым кустарником. Ауробиндо забрался в

Маленькое судно понеслось тридцатиузловым ходом.

прохладную пещеру, напился и встал на плоский камень, чтобы осмотреться и выбрать направление. Он не беспокоился о катере — стоило ему вскарабкаться на глыбы и выглянуть из-за ребра горы, как сразу же открывался вид на весь берег.

* * *

ПОРА, — отрывисто крикнул главный инженер, и рука ученого послушно нажала вторую кнопку. С невообразимой быстротой радиоволны догнали бешено несущееся стальное чудовище и произвели сложную работу в его механизме. Изображение на экране исчезло, и перед затаившими дыхание зрителями экран засветился ровным матовым светом.

— Ракета упала, — воскликнул главный инженер, — сейчас поступят сообщения с наблюдательных судов и станций.

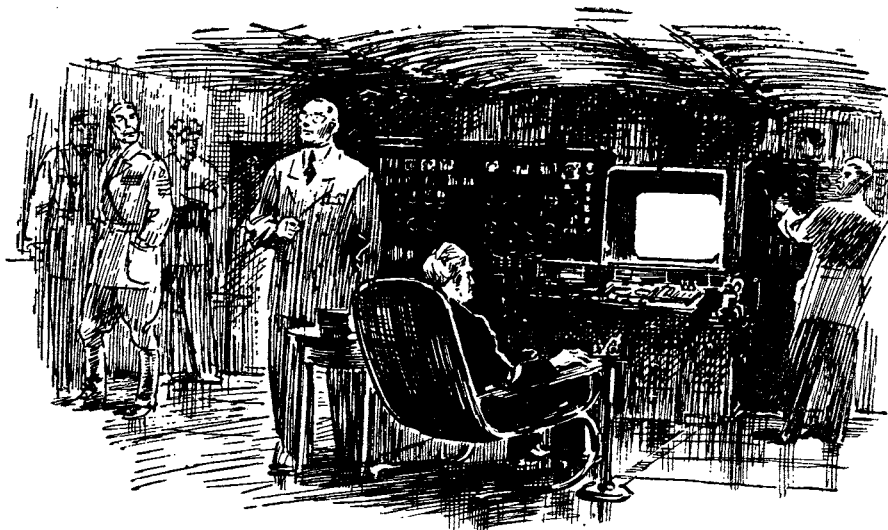
* * *

АУРОБИНДО заметил недалеко от себя маленькое дерево с темными круглыми листьями. Между листьев покачивались мясистые плоды. Индус поднял голову вверх. Немыслимо яркий свет ударил в небо, мгновенно разлился по голубому куполу, погасив солнце. Краски чудесной чистоты и исполинской яркости сменяли друг друга, как несущиеся с быстротой мысли волны. Этот свет, в котором не было ничего земного, знакомого человеку, ударил в глаза Ауробиндо, проник в самую глубину мозга, возвился в нервы раскаленным острием. Индус упал навзничь назад в пещеру, и в тот же момент громовой свистящий рев потряс все клеточки его тела, погасил сознание. Ауробиндо не видел, как за каменным мысом взвился столб песку, воды и пара, подобный громадной колонне правильно круглой формы, встал на высоту трех миль над океаном и, как бы ударившись в небо, стал расплываться исполинским грибом. Ножка этого чудовищного гриба, толщиной в две мили была плотной на вид, хотя по ее поверхности вихрились крутящиеся массы раскаленных газов и пыли. Индус не чувствовал, как над ложиной пронесся вал адского пламени, от дыхания которого испарился кустарник на склонах, треснули скалы и с грохотом обрушились каменные лавины. Неподвижное тело Ауробиндо распростерлось на дне мшистой пещеры, в воде озера.

...Зулус был застигнут взрывом на той стороне горы. Адское пламя не ослепило чернокожего, укрытого зеленым покровом леса. Оно потеряло здесь свою всепожирающую силу, отброшенное в небо склоном горы. Только взрывная волна повалила деревья, сбила Инценгу с ног и сыпала дождем мелких камней. Неимоверный грохот оглушил зулуса, потоки горячей воды хлынули с неба. Счастье благоприятствовало Инценге. Он отделался незначительными царапинами и сильной головной болью. Зулус сразу понял, что в остров попал атомный снаряд, и первая его мысль была о товарище.

Индус находился с другой стороны горы, там, где проявилась вся адская сила атомного взрыва. Опомнившись от контузии, под непрекращающимся горячим дождем, зулус повернул обратно. Он читал в описаниях действия прежних атомных бомб, смертоносном остаточном излучении на месте взрыва, но не думал об этом, спеша на помощь своему другу... Не думал он и о том, что мог последовать второй выстрел. Сильнее всех страхов и чувств сейчас была дружба. Она гнала его вперед, вверх по крутому склону, заставляла пробираться через груды поваленных деревьев, нагромождения остроугольных глыб...

Ауробиндо очнулся от страшной боли, терзавшей его

— Осталось пятьдесят секунд, сэр...

внутренности. Абсолютный мрак и тишина окружали индуса. Ауробиндо не сразу понял, что он ослеп и оглох. Но когда ужасная истина проникла в сознание индуса, дикий нераспускающийся животный страх охватил его. Весь мир оказался где-то, по ту сторону бытия, а он лежал совершенно беспомощный на дне черной бездны, откуда не было возврата, но не было и смерти. Почва палила снизу его тело, как раскаленная плита, и Ауробиндо пополз. Минуту назад он не мог двигаться сам, но теперь полз вперед и вперед, слепой и обезумевший, сдирая на камнях сожженную кожу. Индус стонал и кричал, сам не сознавая этого, так как не мог ничего слышать. Так дополз он до моря. Теплая вода показала холодную, набегавшие волны окатывали индуса с головой, мокрый песок был райским ложем после раскаленных камней, и мысли Ауробиндо стали проясняться...

Теперь он знал, что стал первой жертвой нового изобретения — атомной ракеты — и знал, что ему немного осталось жить. Жгучая боль внутри переходила в лихорадку, странно возбуждавшую и обострявшую мысли. Мозг работал четко, с необыкновенной яркостью, быстротой и уверенностью заключений. Мысль Ауробиндо словно хотела вырваться из непроглядной темницы изувеченного тела и подняться на крыльях муки перед тем, как погаснуть навсегда.

Индус казалось, что за несколько мгновений он просмотрел всю жизнь, побывал в звездных пространствах и вернулся, одаренный нечеловеческой мудростью. И эта мудрость властно приказывала ему во что бы то ни стало открыть людям глаза на тот тупик, куда заводит человечество дикая власть войны и наживы, наука, служащая войне, философия торжествующего капитала.. Но кому он сможет передать свои мысли, полные великолепной ясности, мысли, которые помогут людям понять то великое, чего он достиг в момент необычайного взлета и напряжения его мозга, в последние часы жизни. Инценга погиб, а если и спасся, то найдет его уже мертвым. Вокруг него только вода и сожженные адским пламенем скалы. Но гордая мысль, раз взлетевшая, не признавала никаких препятствий. Индус стал писать на песке свое завещание миру, не сознавая, что всплески волн непрерывно смывают написанные строчки. Призывая к себе человечество, Ауробиндо упорно писал, борясь со смертью, уже всползавшей вверх по его ногам.

Инценга добрался до перевала. Но здесь герой-зулус вынужден был отступить. Дыхание колоссального пожара было нестерпимым. Нечего было и думать пробраться через пепел сгоревшего леса и поля оплавленных камней. Вместо привычного зрелища рифа, с его перламутровой грядой кораллового известняка с девственно зелеными склонами горы, с поразительно чистой прозрачной водой, зулус увидел потрясающее разрушение. Серая грязь бухты, дымящиеся абсолютно мертвые спа-

ленные камни, тусклый красный свет солнца, едва пробивавшегося через завесу дыма и пара...

Острые глаза зулуса различили с высоты по узкой полосе песчаного берега крохотную фигурку. Неутомимый зулус снова пустился в путь, проделывая головокружительный спуск по северному отрогу, и достиг берега. Теперь он мог без труда пройти по мелкой воде до лощины на юго-западном склоне, против которой лежал Ауробиндо. Зулус увидел, что Ауробиндо шевелится и громко позвал друга, но тот не откликнулся. Зулус подбежал и приподнял товарища в ужасе от его истерзанного и опаленного тела. Ауробиндо крепко схватил руки Инценги — он все еще находился в невероятном возбуждении. Зулус тревожно ощупывал индуса, пытался спрашивать... Не получая ответа, Инценга стал кричать Ауробиндо прямо в ухо, пока не убедился, что друг его ослеп и оглох... Ауробиндо поднял руку, как бы призывая к спокойствию, и заговорил, торопясь, пропуская отдельные слова, потому что речь не успевала за полетом мысли. Индус спешил передать товарищу все великие мысли, окрылившие его на пороге смерти, в слепой и безответной надежде, что зулус передаст их людям. Инценга слушал, поддерживая друга за плечи, исполненный мрачного гнева.

* * *

ГЛАВНЫЙ инженер отошел от телефона. — Прошу внимания, джентльмены. Передали обобщенную сводку всех наблюдательных станций. Ракета не попала в гору, она взорвалась в двух милях от склона, на отмени. Мы поспешили на секунду... инженер помолчал и торжественно закончил: сила взрыва, как доносят, колоссальна. Ракета достигла острова. Значит, новое оружие создано. Я счастлив поздравить вас, сэры, с крупной победой нашей науки...

Аплодисменты, восторженные вопли наполнили помещение, прервав инженера. Важные генералы, серьезные ученые, озабоченные инженеры запрыгали, как ребята, обнимаясь и целуясь; неистово били друг друга по спине, топтали ногами и свистели. Можно было подумать, что все эти люди выдающегося ума и знания приветствуют великое благодетельное открытие, несущее счастье человечеству. Главному инженеру с трудом удалось снова заговорить.

— Сэр Халлэс считает, что нужно сейчас же выпустить вторую ракету. Погода благоприятна и мы сможем в первый же день испытаний определить, насколько трудна корректировка прицела... Я приветствую это решение, тем более — главный инженер широко улыбнулся, — что мне предоставлена честь второго выстрела... Присутствующие одобительно загнули.

— Дайте сигнал опасности наверх, — решительно бросил инженер и опустился в кресло перед экраном. Зазвонили телефоны, раздавались отрывистые распоряжения. Синяя лампочка вспыхнула над экраном. Главный инженер подождал у хронометра, затем, уверенной рукой нажал кнопку. Снова задрожали толстые стены: там, на пусковой площадке, в оглушительном реве пламенного вихря взвилось в высоту второе чудовище. Сопровождаемое сигнальными звонками и вспышками на доске локаторов, оно помчалось опять к океану из глубины красной пустыни.

Инценга слушал, поддерживая друга за плечи.

ТАМ, на мокром песке у воды умирал Ауробиндо. Голова его запрокинулась на колена зулуса, и широко открытые глаза вперились в глубину высокого неба, свет которого не мог проникнуть в бездну мрака, окутавшего умирающего. Руки Ауробиндо судорожно цеплялись за товарища. Черной кожей тихо глады опаленные волосы.

Далекий грохот наполнил небо и мгновенно растаял вдали. Инценга изумленно осмотрелся. Море перед ним было попрежнему тихо и пусто, ничто не нарушило грозного покоя опаленных утесов горы.

* * *

ВСЕ наблюдательные станции сообщили, что ракеты нет, — хмуро возвестил главный инженер и, с оттенком смущения добавил, — непонятно, куда она девалась. Локаторы показали ее нормальный полет до девяносто второго номера, а над океаном ракета исчезла. Или она упала недалеко от берега вследствие какой-либо порчи...

— Я предупреждал о необыкновенной трудности точного прицела на такие расстояния, — вдруг проговорил маленький человечек с всклокоченными волосами, скромно стоявший поодаль у стень.

— Э, да ведь мы не дураки, — почти грубо отрезал главный инженер. — Восемьдесят опытов с меньшими моделями...

— Наш старый спор: я говорю, что между малой моделью и настоящей ракетой есть глубокое качественное различие! — перебил человек, — поэтому ваши прежние опыты...

— Пустое! Мы сейчас все выясним, — не сдавался главный инженер. — Сам создатель ракеты выпустит третью! Может быть, это я неудачлив, ха-ха!

Стоявший у стень скептически покачал головой, но отвернулся, поймав злобный взгляд главного инженера.

Снова сотряслась земля, раздались звонки локаторов. Сбившиеся в кучу люди затаили дыхание, следя за полетом ракеты. Она вышла на океан, но радарный экран не показал очертаний островной горки. Конструктор закусил губу, брови его сдвигались и раздвигались, наконец, решившись, он нажал кнопку, обрушивающую снаряд на цель...

* * *

ПЕРЕДОВОЙ крейсер «Принцесса Шарлот» бороздил двадцатиузловым ходом голубую воду. Грозные орудия прицеливались в морскую гладь океана. На траверсе корабля, в полумиле, шел второй крейсер того же класса, а далеко позади виднелся дымок третьего. Капитан-коммодор Чэпин, сложив рот в брызгливые складки, недовольно оглядывал с мостика спокойное море.

Командир корабля вышел из ходовой рубки и приблизился к коммодору, стараясь с высоты своего роста смотреть почтительнее на коротконового и толстого старшего начальника.

— Мы радировали миноносцам ваше приказание, сэр. Получено подтверждение приема.*

— Хорошо, — угрюмо ответил коммодор, продолжая мерить капитана недовольным взглядом.

— Еще что-нибудь, сэр? — осторожно спросил тот, угадывая желание начальника поговорить.

— Нет. Эта старая галоша нас задерживает, — коммодор кивнул назад, за корму, на дымок третьего крей-

сера. — И без того тошно, погнажи зачем-то в Австралию, встречать дружественную эскадру янки...

— Правда, сэр, — охотно подхватил капитан корабля, — после стоянки на острове Бали... — лицо моряка приняло мечтательное выражение.

Начальник молчал и капитан продолжал в том же тоне:

— Этот остров — мечта. Какая природа, какие красивые женщины... — капитан смолк и испуганно покоился на начальника: всей эскадре стал известен его неудачный роман с красивой малайкой.

Коммодор покраснел и рассердился еще больше.

— Мне нет дела до ваших воспоминаний! Я говорю — поднимите сигнал с выговором этому размазне Уорбертону. Больше ход! — рявкнул коммодор, окончательно озлившись.

Капитан поднес руку к козырьку, но не успел повернуться. Случилось что-то невероятное. Вдали, на северо-западе, из моря встала мгновенно и бесшумно исполинская клубящаяся башня. Из башни вылетело гигантское белое облако, взвившееся в небо и одновременно широко раскинувшееся в стороны, как будто кто-то раскрыл невероятной величины белый зонт. Страшный рев, гул, свист — корабль рывком подбросил корму и повалился на бок. Ноги коммодора мелькнули через перила мостика — начальник полетел на палубу. Капитан ошалело ринулся вперед, но тут солнце затмилось, новый тупой толчок страшной силы сотряс крейсер, и все же корабль выпрямился. Вой и вопли ужаса влились в гремящую кругом мглу, потом целый океан горячей воды хлынул с неба, и все замолкло. Капитан валялся на мостике оглушенный. Медленно, едва соображая, что он жив и цел, капитан поднялся на четвереньки. С палубы внизу неся пронзительный визг коммодора:

— Эй, сюда! Всех под суд! Сигнальщики! Капитана!

Через несколько минут все опомнились. Коммодор был отнесен в рубку, зенитная артиллерия готова к бою. На весь мир загремело сильное радио крейсера, оповещая о чудовищном нападении. Сквозь облака тумана и пара сверкали вспышки выстрелов и доносился грохот орудий — второй крейсер бил по неведомому врагу.

* * *

В НЕДРАХ бетонного каземата разрастался ученый спор. Третья ракета тоже не попала на остров и не была отмечена наблюдательными станциями. Главный инженер потерял значительную долю своего апломба, но беднягу ожидали еще более крупные неприятности. В разгар спора, когда скромный противник инженера убедил всех в том, что прицельность еще далеко не разрешена конструкторами ракеты, зазвонел телефон.

Конструктор схватил трубку, выругался и внезапно побелел. Отозвав в сторону главного инженера, он принялся, захлебываясь, шептать:

— Эскадра коммодора Чпина... близко... кажется, утопили концевой корабль... двести миль от цели...

Главный инженер смяк. С минуту он стоял неподвижно, неопределенно вертя рукой, затем упавшим голосом объявил о конце испытаний.

* * *

ИНЦЕНГА осторожно снял голову индуса со своих колен и медленно поднялся, расправляя онемевшие ноги. Он отнес тело друга повыше на берег, и стал на колени, прощаясь с верным товарищем.

— Бедный мой Ауробиндо, — тихо сказал чернокожий, — как торопился ты выразить мне свои предсмертные мысли. Ты не знал и не узнаешь больше, что то же самое, только гораздо яснее и подробнее, написал далеко на севере, в России, сорок лет назад — Ленин... Рокот мотора оборвал размышления Инценги. Катер шел полным ходом к скалистому мысу. Молниеносная догадка пронеслась в голове чернокожего. Он упал на песок, лежа выждал приближение судна, приподнялся, взмахнул руками, снова упал и пополз к воде, навстречу катеру.

* * *

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ Инценга, находившийся на острове вместе с другими осужденными в момент разрыва ракеты, подвергся тяжелой контузии, лишившей его слуха и речи. Кроме того, названный заключенный выказывает признаки поражения других мозговых центров, выражающихся в частичной потере памяти и аграфии, хотя в остальном жизнеспособен. По всей вероятности, больной должен вскоре погибнуть от биологического действия излучения атомного взрыва, тем более, что находившийся вместе с ним другой заключенный умер на острове еще до прихода судна. Вследствие своего состояния заключенный Инценга не представляет никакой опасности в отношении Вашего секретного запроса № 32—94—76/2. Инценга может быть освобожден и переведен в гражданскую больницу, пока не сможет вернуться на родину...

Начальник лагеря отложил заключение врачебной комиссии и подписал лежащую перед ним бумагу.

* * *

ИНЦЕНГА вышел на палубу и остановился у перил. Сильный ветер озорно и вольно носился над морем, рвал пену с гребней хмурых валов. Сильное тело зулуса переполняла энергия, он нетерпеливо ждал конца пути. Военные песни зулусского народа сами собой рвались из широкой груди, могучие руки крепко держались за поручни. Инценга овладел собой, закурил трубку и стал обдумывать свою речь на Конгрессе мира.

Зулус ехал на съезд друзей человечества, простых людей — черных и белых, желтых и краснокожих. Ехал, чтобы поведать борцам за мир новую зловую затею врагов человечества.

Конец

